

Сегодня. — 1994. — 20 сент. — с. 15.

Елизавета Никищыхина: святых осквернять не хочется

Татьяна Рассказова

Когда вы, решив стать актрисой, в 16 лет поссорились с родителями и ушли из дома — это оказалось самой серьезной жертвой в пользу искусства? Или оно требовало все больших и больших?

— А я не считаю это жертвой. Просто когда отец узнал, что Яншин берет меня в студию при театре Станиславского, то спросил: «Ты что — хочешь стать проституткой?» И более того — как бы это сказать помягче? — отправил меня в нокаут. Так было.

А жили мы в Сверчковом переулке, в огромной коммунальной квартире, и одним из наших соседей был Сурен Акимович Кочарян, у которого был сын Лева. Как раз когда отец выяснял со мной отношения, в коридор вышли покурить Лева, Володя Высоцкий, Андрей Тарковский — совсем еще мальчики. (Дело было вечером 31 декабря 1957 года.) Увидев эту картину, они отца, значит, это самое... ну, как-то успокоили, и Лева сказал, что мне нельзя здесь оставаться. Я собрала вещи и поехала с ними на дачу, к елке, возле которой играли дети, было тепло и пахло пирогами — встречать Новый год. Потом пошла в театр, а через некоторое время сняла комнату. Полгода спустя отец примирился и вернул меня домой. Так что никакая это не жертва.

— Наверное, театр для вас выше всего в жизни? Или все же — не всего?

— Просто он был моим счастьем, моей радостью.

— Почему «был»?

— Потому что сейчас я на каком-то перепутье.

— Но ведь все хорошо: такой успех в прошлом сезоне.

— Да, правда. Но на самом-то деле театра, в который я шла, и всего того, ради чего туда стремилась, я сегодня почти не вижу. Ну не артистка я! Просто есть такое понятие — лицедейство (я, кстати, не считаю его ругательным) и есть актеры, которые приходят в театр совсем за другим. Не лицедей, не play-actors, а исполнители, что ли. Я шла в театр ради этого.

— Вы хотели исповедовать или исповедоваться?

— Наверное, исповедоваться. Самые счастливые моменты — это когда выходишь на сцену и забываешься, тебя как будто бы нет, ты сливаешься со зрительным залом воедино в какой-то духовной мысли — во очищение. Кто-то мне сказал: «Вы не актриса, вы — гипнотизер».

— Вы гипнотизируете только зрителей или сами впадаете в гипнотическое состояние?

— Да нет, просто приходит ощущение легкости, полета. И все. Правда, за это чувство абсолютной свободы приходится платить, и довольно дорого. Особенно в моем возрасте. За тридцать пять лет такой работы износ произошел страшный.

Видимо, действительно я не актриса — в том смысле, что овладение профессией предполагало, наверное, возможность играть вполноги, на голой технике. Мне сейчас многие из тех, кто меня любит, говорят: пожайте себя, относитесь к этому как к шутке. Ну плюнула через левое плечо, пошла и сыграла. Но так ничего не получается. Мы, как священники, — работаем настоящей энергетикой. Хотя сейчас, мне кажется, это никому не нужно. Вот только что открыли сезон: зрители — ползала.

— Ну и что? Вы же сами знаете, сколько пришло — столько это и нужно. Бросьте заниматься саморефлексией, лучше расскажите, что вам посоветовал Леонов, когда вы пришли в студию при театре Станиславского? Он ведь вас консультировал.

— Во-первых, он ухотался, когда я читала «Жди меня, и я вернусь, только очень жди». Пятнадцать лет, стою, реву в три ручья, а он заливается. Ну, думаю, все, конец. А он говорит: «Вы пройдете. Но я советую вам серьезно подумать. Посмотрите на меня: у нас с вами сходная индивидуальность (а меня брали как комическую, гротесковую актрису). Учтите, у вас будет очень трудная судьба». Угадал.

— А вы запомнили первую похвалу Яншина? Или, наоборот, — слова порицания?

— Яншин не то что не хвалил — он надо мной издевался.

— Может, это просто такая манера работать — не только с вами?

— Нет, здесь другое. Он не издевался — это поначалу так казалось. Просто как только дело доходило до моей сцены, останавливал прогон или репетицию и начинал часами со мной заниматься. Но ругательно. Однажды так довел из-за пятиминутного эпизода, что я искусила себе все губы, у меня кровь потекла по подбородку. Только потом поняла (мне Леонов сказал,

что он с ним то же самое проделывал) — Яншин цеплялся к тем, кто ему был актерски безразличен. Ему интересно было, например, леоновскую природу раскрыть, раскачать. А кто не интересен — ну и пусть себе играет, он не останавливал.

— Антигона в пьесе Ануя — одна из самых известных ваших работ — боролась, во-первых, с Креонтом, а, во-вторых, с собственной жадной жизнью. Приходилось ли и вам преодолевать в себе если не этот инстинкт, то хотя бы инстинкт самосохранения?

— Я всегда входила в самую рискованную ситуацию естественно. Это не было преодолением себя.

— Можете рассказать хоть один эпизод?

— Мне не очень хочется касаться своей частной жизни, но все эти случаи относятся именно к ней. Допустим, в 1975 году отец моей, тогда двухлетней, дочери по соображениям отнюдь не материального порядка эмигрировал в Америку. Могла я его задержать? Ведь я оставалась в трудной ситуации. Да, могла, но не задержала.

— А уехать вместе?

— Нет. Я не хотела. Не понимала, как там жить.

Дальше — второе замужество. Муж — писатель, диссидент. Я понимала, чем это грозит. И действительно, в нашей квартире было три обыска, трижды вывозились все вещи вплоть до детских книг. Потом — допросы на Лубянке.

— Вас таскали?

— Меня-то как раз и таскали: муж уже сидел в тюрьме.

— А кто, простите, был вашим мужем?

— Неважно. В конце концов мы расстались, и дай Бог ему счастья. Он сейчас очень известный писатель. Но речь не о нем.

С моей стороны все это происходило без малейшего насилия над собой, естественно, легко. Я никогда не считала, что приношу какую-то жертву.

Вообще удивительно, как в этой ситуации мне еще давали работать.

— А действительно, неужели его диссидентство на вас никак не отражалось?

— Отражалось, конечно. Когда я должна была вслед за Толей Васильевым перейти в Театр на Таганке («Васса» же шла сначала в Станиславского, а потом — там), то меня не взяли.

— Как? Наш самый передовой фрондерский театр?

— Кто-то из его руководителей сказал (правда, за глаза, но мне передали), что они не могут позволить себе такую роскошь — принять в штат жену диссидента.

Ну вот. А мое вынужденное дальнейшее существование в театре Станиславского стало после ухода Васильева совершенно беспросветным. Я же столько лет ничего не играла...

— Но скажите, когда вы с ним еще работали, прозвучало ли хоть раз какое-то требование, которого вы выполнить не могли? Вы вообще знаете про себя — чего бы не могли сделать на сцене?

— По-моему, я ничего не могла сделать из того, что требовал Васильев. Раз десять, наверное, отказывалась от Вассы. И каждый раз он говорил: «Нет. Мне нужна ты. Работай».

Когда спектакль уже не шел, мне приснился сон, как будто передо мной в пустой комнате стоит дорогой рояль. Это моя роль. Васса. Пальцы мои в предчувствии клавиш, сейчас я должна их коснуться и, кажется, наконец понимаю эту гармонию — вот сейчас сыграю. И вдруг — раз! по рукам! по рукам!..

Мне бы сегодня эту роль. Сегодня бы я смогла.

— Ваша Агафья Тихоновна в недавнем спектакле Мирзоева мечтает, как известно, совместить выдающиеся качества своих женихов в образе идеального мужа. А какие профессиональные свойства и личные качества разных актеров вы бы объединили в образе идеального партнера? Например, хотели бы вы, чтоб он обладал темпераментом и пластикой Меньшикова, мастерством Смоктуновского, чувством сценическо-

го братства Урбанского, голосом, скажем, Кайдановского? Или все эти свойства вместе взятые согласны отдать за одного Джека Николсона?

— Идеальный партнер? Мне так посчастливилось в жизни, что даже не надо собирать в кучку чьи-то отдельные достоинства. Партнерство — это соединение на сцене, нечто вроде брака. То есть между актерами может происходить борьба, поединок, но в основе их отношений лежит любовь — сценическая, конечно. Моим первым партнером был Женя Урбанский, который невероятно нежно и бережно вывел меня на сцену. Потом — Евгений Павлович Леонов в «Антигоне». Юра Гребенщиков в «Вассе». Сейчас Невзоров.

— Если партнерство — брак, то за кого бы вы хотели выйти замуж?

— За Олега Меньшикова. Я столько раз была на «Нижинском»! Это такая редкость и радость, когда с первых слов безошибочно чувствуешь — твои! «Нижинский» для меня — это душа Олега. Ее грация, гармония, одиночество.

— Если вернуться к «Женитьбе», то к чему труднее всего было привыкнуть в работе с Мирзоевым? Он диктатор? Как он относится к актерской импровизации?

— Только на импровизации мы и работали. А привыкать к нему, приспособливаться было несложно, я ведь прошла школу Васильева. К тому же мне, например, очень близок Клим, меня туда тянет. Поэтому работа с Мирзоевым была естественной, свободной. Какое там диктаторство!

— Я слышала, вы дружны с Приговым, он даже вывел вас в своей пьесе «Страх всего святого». Вам никогда не хотелось на самом деле осквернить какую-нибудь святыню? Предположим, святыню брака? святое искусство? непорочную литературу?

— Пригова я не видела уже лет десять. А никаких святынь осквернять не хочется.

— Существует ли повторяющийся кошмар, от которого вы просыпаетесь в холодном поту?

— Во сне нет, но... Сейчас скажу. Я хочу уйти из профессии. Несмотря на то, что этот год подарил мне столько ролей, видимо, первыми словами, которые я скажу при встрече Мирзоеву, будут: «Подумайте о спектакле, найдите другую актрису». Это не кокетство. Чтобы в пятьдесят лет играть «Женитьбу», «Томаса Беке-та», Пиранделло, нужен ежедневный тренинг. Необходимо восстанавливаться: нормально питаться, отдыхать, плавать, в конце концов. Нужны массажи. Не для роскоши, а чтобы иметь возможность ра-бо-тать. А я даже к врачу не могу пойти, потому что ему нужно заплатить. Во мне 42 кило. Ну сколько я еще продержусь? Когда-то мой учитель Лев Яковлевич Елагин говорил: «Лиз, ты подожди, придут к тебе роли. Только знаешь, что самое страшное? Если это время настанет, а сил уже не будет. Вот это кошмар». И с этим кошмаром я сейчас живу каждую секунду.

— Наверное, глупо то, что я скажу, но все-таки скажу. Чего же СТД, минкулы не помогают? Вы ведь не одна такая?

— Это надо их спросить. Они занимаются презентациями. «Хрустальную Турандот» вручают. В фестиваль «Крымские зори» миллионы вбухали. Не знаю, может, это действительно сейчас нужнее?

— А работы для денег — того, что раньше называлось актерской «халтурой», — вам не предлагали? Или вы принципиально этим не занимаетесь?

— Никакой преднамеренности тут нет, есть только внутренний протест. Когда начались тяжелые годы, мне приносили много сценариев. Но это такой ужас: порнография, мат, человеческая деградация, уродство. Не могу, устала. Не хочу этим заниматься. Даже если бы мне нечего было есть и не в чем ходить.

— А реклама? Уж это-то как будто почти невинно.

— Ну да. В Питере в гастроном у Московского вокзала висит щит: «В нашем магазине...» — и фотографии Алисы Фрейндлих, Басилашвили...

Понимаю, что я дура. И правильно сказал один очень знаменитый актер, который хотел мне помочь: «Не можешь? А, ну не можешь — не надо. Ну и сиди. Только не жалуйся». Прав. Прав, никуда не денешься.

И хуже всего, если говорить о кошмарах, — что я не понимаю, не верю, не ощущаю, что мне пятьдесят лет. Чувствую, что душа — она еще может, а вот силы физические...

Хотя нет-нет да и подумает: а кто я в конце концов такая? Плюнь да выброси. Товарищи мои, кто работал на износ, все давно в земле лежат. Одни сами с жизнью рассчитались, у других сердце разорвалось. Потому что профессия такая: требует затрат. Я по-другому ее не понимаю.